

jurisdiction the Moscow Patriarchate. The Orthodox community is followed by Baptists, Roman-Catholics, and Jehovah's Witnesses.

The attendance to religious services in Estonia is low as in Sweden and in East Germany, all of them traditionally Lutheran societies. And for the majority of population religions has little or no importance in their lives.

When looking to the situation that has developed in Estonia during the last fifteen years it could be said that it seems easy to be liberal on religious matters if there is no dominant religious institution in membership numbers, if only approximately one third of the total population consider themselves as adherents of some particular religion, if religion is commonly considered to belong to the private and not to the public sphere, and if religions do not have nationalistic connotations.

Артур АРТЕМЬЕВ (Алматы, КАЗАХСТАН)

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕЛИГИЕВЕДЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ

Я искренне, как говорят, «белой завистью», по-доброму завидую украинским коллегам, сумевшим не только сохранить в условиях всеобщего «расхищения бунтующим материальным хаосом» (Вл. Соловьев) науку «*религиоведение*», но и занять одно из ведущих мест среди мирового сообщества по уровню её современного развития. Не случайно на 14 Международном симпозиуме права и религии, который проходил в октябре 2007 года в г. Прово (штат Юта, США) Анатолий Колодный и Людмила Филиппович получили высокую международную награду – Хрустальный глобус – за достижения в этой области. И, действительно, Украинская ассоциация религиоведов, поддерживаемая Отделением религиоведения Института философии НАН Украины, проводит большую, а, главное, плодотворную работу.

К сожалению, Казахстану в этом отношении похвастаться нечем. И хотя я не сторонник критики своей страны за её рубежами, но и не исповедую «квасной патриотизм», тем более, что квас сегодня уже явно прокис. Поэтому буду откровенен.

Казахстан – государство мультинациональное (у нас проживают представители более 130 народов и народностей, а государствообразующая нация, т. е. казахи, составляют немногим более половины населения). Поэтому и религиозная карта представлена более 50 конфессиями и деноминациями, объединяющими свыше 4 тыс. общин и групп. Самыми влиятельными конфессиями у нас являются суннитский ислам и русское православие.

На религиозную ситуацию активное воздействие оказывает не только национально-этническая и демографическая специфика, политическая, нравственно-этическая и социокультурная обстановка внутри страны, но и все те процессы, которые происходят на Востоке и Западе, особенно в сопредельных государствах.

Надо сказать, что на уровне главы государства делается немало по обеспечению межнациональной и межконфессиональной толерантности: создана уникальная структура - Ассамблея народов Казахстана, которую возглавляет Президент страны (недавно были приняты поправки к Конституции, позволяющие Ассамблее самостоятельно избирать и делегировать 9 депутатов в Парламент); уже дважды в Астане прошли съезды лидеров мировых и национально-традиционных религий; регулярно проводятся Дни духовного согласия и т. д.

Но всё это – красивый фасад, за которым скрываются многие внутренние проблемы. Они зачастую - весьма тревожны. Возьмем религиоведческую науку. У нас она держится на нескольких энтузиастах, пересчитать которых можно по пальцам одной руки.

Достаточно сказать, что на всю большую Республику лишь семь докторов наук и около 20 кандидатов, защитившихся по специальности «религиоведение», но многие из них, к сожалению, не видя особых перспектив, стали заниматься другими направлениями науки или вообще ушли из неё. Имеем только двух докторов юридических наук – специалистов высшей квалификации в области взаимоотношений государства и религии (это – Г. Лупарев и Р. Подопрigorа).

Сегодня вокруг религиозной темы «крутятся» в основном дилетанты, а то и шарлатаны от науки (всякого рода «последователи» Дворкина, Кураева и им подобные), превратив религиозный вопрос в средство личного обогащения. Нас, специалистов, чиновники властных структур избегают, ибо им комфортнее иметь дело с дилетантами, которые, когда прикажут, будут ругать всё и вся, а если нужно, то единогласно скажут «одобрямс» на любое решение, каким бы абсурдным оно ни было.

Приведу лишь один пример. Сейчас в стране активно обсуждается проект Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам свободы вероисповедания и религиозных объединений». Ещё на начальной стадии его подготовки, по инициативе Хельсинского комитета, нами - Р. Подопрigorой, И. Цепковой и мной - была разработана Концепция государственной политики в сфере религии и деятельности религиозных организаций. Мы исходили из того, что для государства, объявившего себя светским, ключевым должно быть понятие *мировоззренческой нейтральности*, а также обеспечение мировоззренческой свободы личности, религиозной толерантности и веротерпимости, при строжайшем соблюдении прав человека, защиты общества и каждого его члена от любых посягательств деструктивных сил, особенно, когда речь идет о здоровье и жизни граждан.

Для светского государства недопустимы, с одной стороны, вероисповедный *эксклюзивизм*, т. е. представление о той или иной религии (или направлении в ней) как носителе высшей, исключительной, «единственно верной» истины, а отсюда – лоббирование одной или двух религий в ущерб другим, отрицание аналогичного статуса за другими религиозными системами; с другой – *интолерантность*, т. е. резко негативное отношение к тем или иным религиозным учениям, людям иной мировоззренческой ориентации, а то и отрицание права на существование тех или иных религиозных формирований.

Таким образом, подготовленная нами Концепция в полной мере соответствовала международным стандартам, разработанным ООН, ЮНЕСКО, а также правозащитными организациями. В Концепции определялись цели, принципы и методы политики в этой сфере. Они были призваны способствовать развитию государственно-церковных отношений в новых политических и социально-экономических условиях.

Презентация Концепции состоялась в Астане и была инициирована Алматинским Хельсинским комитетом и Центром ОБСЕ в Алматы. Она вызвала у всех присутствующих на презентации живой интерес, кроме, естественно, представителей государственных органов, ибо не вписывалась в их идеологию по ужесточению контроля государства за деятельностью религиозных объединений.

Сегодня в стране пока ещё действует Закон «О свободе совести и религиозных объединениях», принятый в 1992 г. Что же не устраивает в нем тех, кто пытается в корне его изменить и по этой причине проигнорировали и нашу Концепцию?

Главный принцип, который был положен в основу Закона 1992 года, – это равные права и обязанности всех конфессий и деноминаций, осуществляющих на территории страны свои миссии. При этом - никаких предпочтений ни одной из них. Стоит, видимо, вспомнить и о том, что в его разработке активное участие принимали представители самых разных религиозных направлений. В результате Закон заложил довольно прочную основу для обеспечения основного конституционного принципа: «*Казахстан - государство светское*». Он был признан мировым сообществом одним из самых демократичных.

Судя по всему, именно последнее не устраивает главных «лоббистов» и их «подзащитных» - лидеров официального ислама и Русской Православной Церкви, но особенно - национал-радикалов, спекулирующих на религии.

Одним словом, мы не выдержали испытание демократией и поправки к действующему Закону – наглядное тому доказательство. Они – образец *веронетерпимости*. Как и в России, так и у нас некоторые госслужащие начинают выполнять функции неопитов, активно лоббируя те религии, свою приверженность к которым они и не скрывают».

Нас все время пугают международным терроризмом, противоправной деятельностью различных экстремистских формирований, прикрывающихся религиозными лозунгами. Этот аргумент выдвигается в качестве главного для оправдания репрессивной направленности поправок к Закону. Согласен, терроризм – это самое ужасное и бесчеловечное явление. А когда замешан на политическом национализме и прикрывается религией - страшен вдвойне. В наше время от этих зверей в человеческом обличье не застрахован никто. Сегодня терроризм направлен против всех, включая и мирное население, и даже детей.

Но при чем здесь свобода совести? Разве ограничение свободы совести будет способствовать решению глобальной проблемы борьбы с терроризмом? Конечно, нет. Напротив, всё это создаст дополнительные проблемы, противопоставит государству значительную часть общества.

Предлагаемые нашими парламентариями поправки главным образом нацелены:

- § *во-первых*, на изгнание с религиозного поля всех протестантских и неопротестантских конфессий и деноминаций, новых религиозных формирований, подвергнув их невежественному ostracism (и это разработчики не только не скрывают, но и активно пропагандируют через парламентариев и всяких сомнительных «экспертов» через СМИ);
- § *во-вторых*, на полный чиновничий беспредел;
- § *в-третьих*, на групповую ответственность верующих за какие-либо деяния, не вписывающиеся в рамки нового Закона, любым членом общины (и разработчиков проекта, видимо, не смущает, что это – прямое повторение печально известного Закона III рейха. Правда, тогда он был направлен, главным образом, против евреев и иудаизма, а теперь – против верующих большинства конфессий и деноминаций, действующих в стране).

О том, какие благоглупости предлагается внести в действующий Закон, можно проиллюстрировать следующими примерами.

Если поправки будут приняты, то:

- § для проведения религиозно-экспертной экспертизы достаточно будет обращение нескольких граждан;
- § ввоз религиозной литературы и иных информационных материалов будет осуществляться только после проведения религиозно-экспертной экспертизы (взял с собой в поездку Библию или Коран – пройди экспертизу);
- § правительство станет устанавливать ежегодную квоту миссионеров по областям;
- § будет наложен запрет на получение финансовых и других пожертвований от анонимных, а также иностранных граждан и организаций, т. е., если какая-то старушка решит пожертвовать на храм какое-то количество денег, она должна подтвердить это письменно. Но, главное, предусматривается пожертвования принимать через контрольно-кассовые аппараты, а учитывать поступившие деньги с участием представителей местных исполнительных органов и т. д. (но я привел лишь малую толику того, что заложено этими так называемыми «поправками»).

Одним словом, как говорил У. Шекспир: «Пора чудес прошла, и нам / отыскивать приходится причины / всему, что совершается на свете». А причина одна: *массовое религиозное невежество*. Реалиями сегодняшнего дня является то, что в Казахстане предмет «религиоведение» исключен из учебных программ большинства даже гуманитарных специальностей, не говоря уже о медицинских, юридических, журналистских и т. д. Во всех вузах закрыты соответствующие кафедры, давно прекратил свою «бесславную историю» и сектор по изучению религий Института философии Министерства науки и образования.

Следуя печальному «опыту» России, из номенклатуры специальностей Высшей аттестационной комиссии религиоведение как самостоятельная философская наука (бывшая специальность 09.00.06) была исключена и включена в специальность 09.00.13 – философскую антропологию, философию культуры, философию и историю религии. Соответственно и диссертационные советы по религиоведению перестали существовать. Это крайне отрицательно сказалось на подготовке кадров.

Лишь в Национальном университете им. аль-Фараби до последнего времени имелось отделение религиоведения, но набор студентов на него – 7-8 человек в год. Лишь один преподаватель на этом отделении имеет ученую степень кандидата наук по данной специальности, остальные – специалисты в совершенно других областях.

Но даже это отделение с нового учебного года решили преобразовать в отделение теологии. Каких будут готовить там теологов, можно лишь догадываться, не говоря уже о том, что светский государственный университет вряд ли то учебное заведение, которое должно заниматься подготовкой будущих служителей культов. Не правда ли, картина более чем пессимистична?

Но просвет есть и в этом туннеле. Вселяет надежду то, что по инициативе ОБСЕ Алматинский Хельсинский комитет сейчас разработал проект по ликвидации религиозной безграмотности среди чиновников государственных структур. И это – правильно, ибо надо начинать с них: будут они грамотны в этой области, тогда, надеюсь, решатся и многие вопросы, связанные с религиозной подготовкой всего населения, а значит и с обеспечением в стране веротерпимости и толерантности, так как всё это в компетенции образовательных государственных органов.

Думается, что в дальнейшем на государственную, юридическую и медико-профилактическую службу будут приниматься только те, кто имеет сертификат о соответствующей религиозной подготовке. Особенно это касается журналистов, пишущих на религиозные темы. Пора установить прочный заслон журналистскому невежеству в освещении религиозных вопросов, ибо недопустимо, чтобы СМИ, вместо консолидации общества, вносили в него раздрой, вместо воспитания у населения, особенно молодежи, толерантности, веротерпимости, уважительного отношения к свободомыслию, формировали ксенофобию, синдром агрессивности, национал-шовинистические, а то и нацистские взгляды.

По нашему глубокому убеждению, *религиозное образование* должно состоять из *трех уровней*:

1. *Школьное образование*. Гуманитарный цикл должен включать такие важные предметы, как «Толерантология» (вместо «Конфликтологии»), «Основы религиоведения» или «Историю религии». При этом все рассуждения о том, что «Религиоведение» - атеистический предмет, беспочвенны. Он может стать и теологическим, если за преподавание возьмется кто-то из фанатиков той или иной конфессии или деноминации. Поэтому очень важно обеспечить нейтральность, объективность и светскость в преподавании.

2. *Вузовское образование*. Здесь уже должен преподаваться полный курс «Религиоведения», при этом в наибольшем объеме — для будущих бакалавров — гуманитариев, юристов, психологов, врачей, журналистов.

3. *Послевузовское образование.* Необходимо восстановить во всех вузах гуманитарного профиля *кафедры религиоведения*, придав им статус выпускающих. Проводить специальные наборы лучших выпускников-бакалавров в профильную магистратуру и т. д.

Уверен, что подъему престижа религиоведческой науки будет способствовать Координационный совет религиоведов СНГ и стран Балтии, который мы создаём в ходе нашей нынешней встречи здесь – в Киеве. А опыт украинских коллег нам будет очень полезен. Думаю, что и нам удастся повернуть лицом к религиоведению чиновников от образования, как бы они ни сопротивлялись.

Мирослава КРИВОУС-СИСАК (Тернопіль)

СВОБОДА СОВІСТІ Й ЕВОЛЮЦІЯ СТАТУСУ ДЕРЖАВНОЇ ЦЕРКВИ У ВЕЛИКІЙ БРИТАНІЇ

Релігійна ситуація в сучасній Великобританії була охарактеризована британськими соціологами як «м'який плюралізм із секулярними тенденціями.»

«М'якість» англійського релігійного плюралізму об'єктивується в цій країні у майже безмежній релігійній множинності за наявності водночас державної Церкви (Established Church) і цілої низки звичаїв, писаних законів і неписаних норм, які підтримують – принаймні на рівні символів і акцептованих суспільством цінностей – традиційну конфесійну структуру Королівства. Секулярні ж тенденції у Великобританії є доволі динамічними, як і у всій Західній Європі, а водночас і досить специфічними: падіння відвідування Англіканських і Католицьких храмів, зменшення практично всіх показників релігійної активності, а також відданості сталим релігійним інститутам супроводжується зростанням тут інтересу до позавіросповідної містики в різних формах її вияву. «Хоча традиційне деномінаційне християнство занепало навіть у постіндустріальному і постмодерному Уельсі, - пише дослідник британської релігійності Денсіл Морган, - п'ятидесятництво, домашні богослужіння у малих і великих містах, євангелічні групи різних типів і стилей, так само як і деякі індивідуальні конгрегації всередині старих церков процвітали».³¹

Дуже важливою рисою, на яку рідко звертають увагу дослідники британської релігійності поза межами Королівства, є наявність відмінних *усталених* релігійних традицій, які впливають на геополітичні орієнтації жителів Об'єднаного Королівства. Якщо, скажімо, протестанти Північної Ірландії з підозрою ставляться до європейської інтеграції з огляду на питому вагу католицької присутності в Західній Європі, то шотландці з їхньою релігійною традицією, дуже близькою до кальвіністської, сподіваються на послаблення англійського домінування мірою зміцнення Євросоюзу.³²

В цілому ж, сучасній Великобританії не властива жорстка міжконфесійна конкуренція та масштабний міжцерковний антагонізм; тут практично відсутній як антиклерикалізм, так і надмірний релігійний ентузіазм.³³

Нині у Великобританії в цілому вважається самоочевидним (на відміну від, скажімо, ситуації першої половини ХХ ст.), що право обирати ту чи іншу релігію чи відмовитися від неї є, безумовно, одним з фундаментальних прав людини. Але Великобританія є дуже специфічною (принаймні, як для розвинутих західних демократій)

³¹ Morgan Densil D. Christianity and National Identity in Twentieth-Century Wales // Religion, State Society. - Vol. 27, Nos 3/4.- 1999. - P. 328- 342.

³² Davie G. The religious factor in the emergence of Europe as a global region // Social Compass. - 1994. - Vol. 41. - P. 95-112.

³³ Davie G. Religion in Britain since 1945: Believing without belonging.- Oxford, 1994.